

Ф Е Л И К С Л Е В

ВЕРТОЛЁТ

МОСКВА • ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА • 1972

КТО ОН?

Он большой и зелёный. На макушке у него винт—совсем как у ветряной мельницы крылья. А под брюхом—колёса.

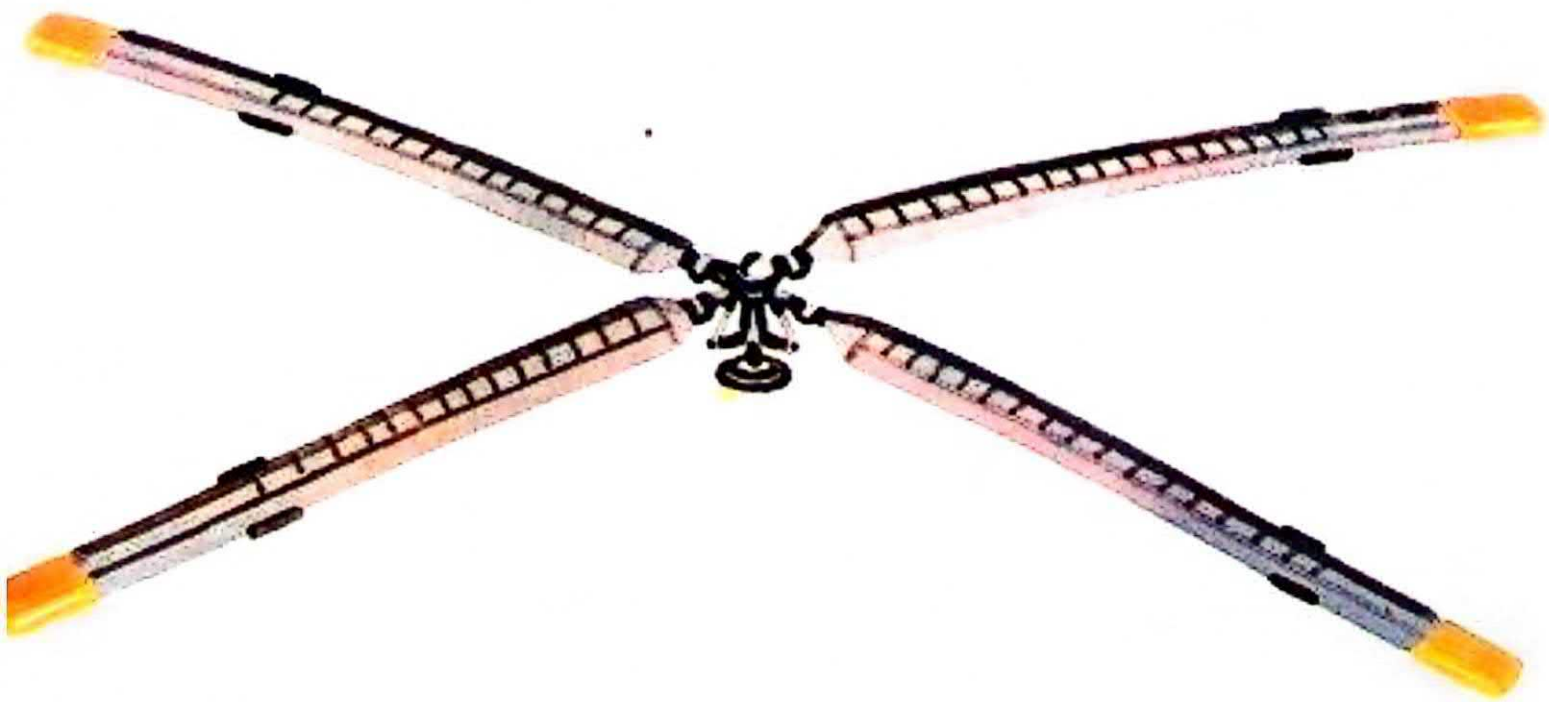
Когда он стоит на земле и отдыхает, длинные лопасти крылья прогибаются и немного свисают, будто они тоже устали. А как станет ими вертеть—распрямляются, распрямляются...

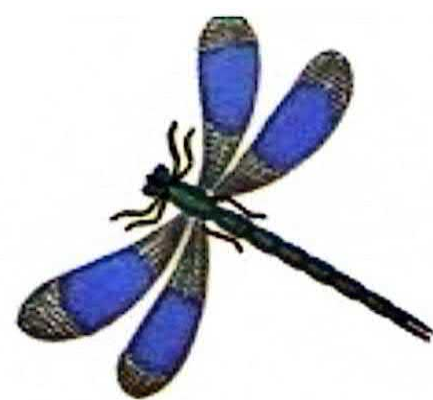
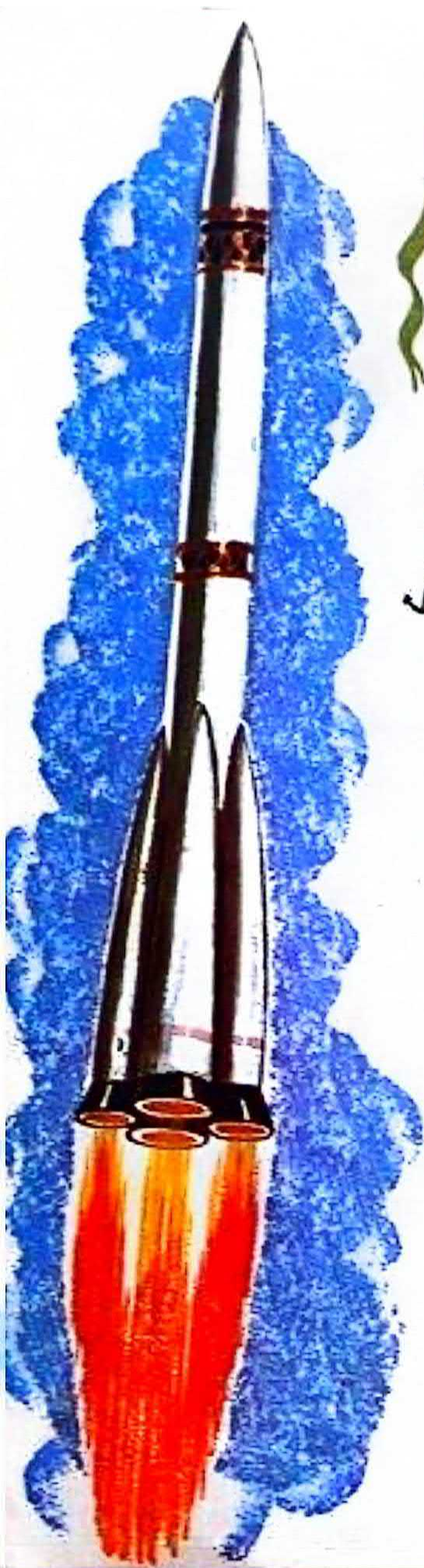
Крылья широкие, загибающиеся—загибают воздух и вниз швыряют, а сами-то тянут вверх. От крыльев подымается ветер, сперва небольшой, после—шибче. А как посильнее размахнутся, то и не подступись: ураган, вихрь! Все травинки кругом к земле прижмутся. Все листочки вот-вот сорвутся с ветвей.

А сам он, большой и зелёный, весь дрожит, ревет и винтом ещё быстрее вертит. И вдруг оторвется от земли и повиснет над травой, над землёй, как на ниточке.

Повисит-повисит и, как по ниточке, станет вверх забираться, всё выше: выше зверя бегучего, выше леса стоячего, выше облака ходячего. А потом наклонит свой винт куда ему нужно и понесётся куда ему нужно.

Кто такой? Вертолёт.

НА КОГО ОН ПОХОЖ?

На самолёт — не очень похож.

На ракету — совсем не похож.

На воздушный шар — тоже не похож.

А на кого он похож?

Больше всего, пожалуй, на стрекозу. Потому что летает, как стрекоза: то на месте повиснет, то вбок полетит, то вперёд...

А ещё у вертолёта есть хвост — длинный и тонкий, как у стрекозы. Только на хвосте у него, на самом кончике.

сбоку... Что у вертолѐта на хвосте?

Один мальчик увидел и засмеялся:

— Какой-то бантик!..

Другой не расслышал и говорит:

— Какой ещё фантик?..

Третий с ними заспорил:

— Да это же просто винтик такой, как в стенку заворачивают!..

А это вовсе не бантик, не фантик и не винтик, а обыкновенный винт-пропеллер, но только маленький. Это рулевой винт. Когда вертолѐт летит, он ему вместо руля.

ЧТО ОН УМЕЕТ?

Самолёт бежит по земле, по взлётной дорожке, — разгоняется, чтобы взлететь. Чем тяжелей самолёт, тем длиннее должна быть дорожка. А вертолёт, даже самый большой и тяжёлый, где стоял, там и взлетит — никакого ему разбега не нужно: винт как начнёт вертеться, с силой ввинчиваться в воздух, так и потянет за собой вертолёт сразу вверх.

Самолёт при посадке сперва тоже бежит по земле, а уж потом остановится. А вертолёт не бежит, а сразу садится на место. Может сесть в горах между скал. Может — на маленькой полянке в лесу, лишь бы винт не цеплял за деревья. Вертолётчики называют такие полянки коподцами. И правда, сверху поглядеть — как в коподце: по краям ёлки да берёзы, а на доньшке... только уж не вода, а трава зеленеет.

А кто ещё так умеет висеть на одном месте? Вертолётчики говорят: зависать. Завис между небом и землёй и висит сколько нужно.

Для чего нужно?

А вот послушайте...

ЛЕСТНИЦА С НЕБА

В одном посёлке, который стоял на берегу реки, случилось наводнение: река хлынула прямо на улицы.

Люди слишком поздно заметили опасность и не успели ни уехать, ни уплыть в лодках. Яростная вода сносила заборы, тащила брёвна и доски. Вода поднималась всё выше.

Люди забрались на крышу самого высокого дома. Они надеялись, что наводнение скоро пройдёт и тогда можно будет спуститься на землю и починить всё, что поломала река, и спокойно жить дальше.

Возле дома росло высокое дерево, на котором спасались кошки. Они мяукали и даже не обращали внимания на воробьёв, сидевших совсем близко от них.

А две собаки, которые умели плавать, тоже спасались на крыше.

Дул холодный ветер. Все глядели вниз, на воду, которая пенилась, бурлила и не хотела уходить.

И некоторые люди уже стали думать: неужели про нас все забыли?

Вдруг раздаётся отчаянный грохот и с неба спускается какая-то верёвка и висит. А это была не простая верёвка, а длинная верёвочная лестница со ступеньками. И не с неба, а с вертолёт, который прилетел и повис над крышей. «Спасены! Спасены!..»

Люди схватили конец верёвочной лестницы и стали по ней скорее забираться в вертолёт.

Он был большой и висел прямо над крышей и ждал. В него поместилось много людей.

А за теми, кто не смог поместиться, вертолёт прилетел снова.

Собак вертолёт тоже взял с собой: сами они не могли вскарабкаться по верёвочной лестнице, но люди их обвязали верёвками и втащили.

«Вертолёт умеет висеть на одном месте?.. Пусть он будет подъёмным краном!» — решили строители.

Вот так кран-великан! Поднимает и ставит на фундамент целые башни, дома и даже нефтяные вышки!

А может ли он помочь проложить газопровод в тайге, где нет дорог?..

Может. Подцепил крюками трубу и потащил на канатах по воздуху. Доставил, положил осторожно на землю и полетел за другой. А весу в этой стальной трубе много тонн.

В ОКЕАНЕ

Далеко в океане, в море плавают моряки-китобои. Они охотятся за китами.

Раньше бывало так: иной раз сразу увидят кита, а иной раз плавают долгие месяцы без толку. Ведь кита надо сперва разыскать. Он хоть и большой, а море тоже большое, да ещё какое: в нём даже огромный кит будто иголка в стоге сена...

Самые зоркие моряки целыми днями глядели в бинокль: что там, на горизонте? Не завиднеется ли кит?..

Теперь по-другому: на корабле появился маленький вертолёт-разведчик.

Вот пилот вертолёта заметил с высоты, будто белый цветок расцвёл среди моря. Этот пилот был ещё молодой,

он впервые искал китов. «Что ещё за цветок? — подумал он. — Не может быть!» А цветок вдруг пропал, будто его и не было. «Неужели показалось?» — подумал пилот. Но тут цветок снова распустился, потом рядом с ним другой — то появятся, то исчезнут... «Да ведь это же не простые цветы, а китовые, — догадался пилот, — это фонтаны, которые выпускают киты!»

Вертолёт спустился пониже: так и есть — киты!

Пилот поглядел на приборы и по радио передал на корабль: «Вижу стадо китов. Курс 130».

Теперь хватит китобоям работы.

Капитан дал команду, и корабль поплыл куда нужно.

Вертолёт подлетел к кораблю и опустил на палубу.

А пилот пошёл отдыхать в каюту.

ВЕРТОЛЁТ И КАРТОШКА

Это было в деревне Лужки.

С незапамятных пор славились Лужки своей картошкой. Если уж не на целый мир, то наверняка на все окрестные деревни. Никто ещё таких урожаев не собирал, ни у кого такого картофеля не было — крупный, вкусный, рассыпчатый.

И вдруг на этот картофель напал страшный враг.

Может, какой-нибудь чудовищный зверь повадился из лесу на поля? Может, топчет и жрёт?

Нет, это был никакой не зверь, а крошечный, невидимый простым глазом грибок-паразит. Но он был ужасно прожорлив: сперва поест листья, после примется за клубни... И никак его не поймать — ест да ест, пока всю картошку не съест.

Всё же и с этим врагом люди научились бороться.

Собрали в Лужках собрание.

Одни колхозники говорят:

«Надо полить картофель ядовитым раствором из леек, грибок его не выносит».

Другие говорят:

«Картошки у нас вон сколько! Когда ж это будет, из леек-то? Пока польём, вредитель успеет съесть половину».

«Вот что, — сказал председатель, — надо скорее вызвать вертолёт».

Позвонили по телефону на аэродром. И вот — прилетел.

Это был не обыкновенный вертолёт: у него по бокам прицеплены две большие «груши» — два бака. От этих «груш» отходят по сторонам длинные трубки с дырочками. Издали всё это похоже на очень толстого, неуклюжего жука с растопыренными крыльями.

«Жук» с сердитым гудением вынырнул из-за леса и принялся летать взад-вперёд над картофельным полем низко-низко. А из дырочек в трубках, будто из леек, шёл дождь. Не простой дождь, а такой, какой нужен: для картошки полезный, а для грибка вредный.

Целый день летал вертолёт. Сперва над одним полем, после над другим, над третьим... Опустится, заправит баки раствором и снова летит.

К вечеру приземлился у самой деревни, возле крайнего дома. Винт перестал вертеться, сбоку в вертолёте открылась дверца, и пилот спрыгнул на землю. Тут прикатил автомобиль-заправщик. Пилот взял толстый резиновый шланг и стал заправлять вертолёт горючим. Заправил и полетел в соседний колхоз, там его тоже давно ждали.

Вы спросите: а что было потом с картошкой?

Картошка в то лето уродилась в Лужках, как всегда, замечательная.

СЛЕПОЙ ПОЛЁТ

Я забрался в вертолёт, в самое «пузо». Сейчас подойдут пилот с инструктором и мы полетим. А пока погляжу, как здесь всё.

Всё очень просто, как в обыкновенном автобусе: сиденья вдоль стен да окна, чтобы глядеть. Это пассажирский вертолёт, он людей перевозит. Но сейчас мы полетим без пассажиров, потому что полёт тренировочный.

Спереди, там, где в автобусе место для шофёра, здесь — пилотская кабина. Она за стеной, а в стене дверца.

Пилот с инструктором вошли туда, и я заглянул в кабину. Вот что там было.

Во-первых, два больших кресла, одно рядом с другим.

Во-вторых, перед креслами широкое, во всю кабину, окно, чтобы видно, куда лететь.

В-третьих, приборы — вся стена под окном в маленьких круглых стёклышках, за стёклышками стрелочки да цифры.

В-четвёртых, железные палки-рукоятки из пола торчат.

В-пятых, потолок весь в электрических выключателях,

будто им больше некуда деваться, вот они и забрались на потолок.

В-шестых... больше ничего не успев разглядеть, потому что пилот с инструктором сели в кресла и пилот сказал:

— Надо привязаться ремнями.

Это он мне сказал.

— Зачем привязываться?... Я хочу здесь... поглядеть...

— Так полагается. Сейчас будем взлетать. После всё разглядите. — А сам прямо с кресла протянул обе руки вверх и стал нажимать на выключатели: они ведь у пилота над головой, удобно.

Щёлк-щёлк... — защёлкнули выключатели. Что-то засвиство, загудело. Винт стал раскручиваться и в окне мелькать.

Я поскорее усеялся в кресла в пассажирской кабине, привязался ремнями, жду. В окно гляжу. Винт в окне всё быстрее мелькает, трава полегла от ветра, и по ней побежали волны, как в море. Кабина задрожала, качнулась. Куда это мы проваливаемся? Нет, не проваливаемся, а плавно пока-

чиваемся, будто ни на чём. Тут я сообразил: как же ни на чём — на воздухе! Значит, уже оторвались от земли, взлетели.

Инструктор выглянул из пилотской кабины, рукой меня поманив. Я отвязал ремни, подошёл, а он мне в самое ухо кричит, чтобы слышно:

— Теперь глядите!

А я и так гляжу, пристроился позади пилотского кресла и гляжу, что будет дальше.

Пилот потянул маленький рычажок сбоку от кресла — вертолёт взревел и стал карабкаться в небо, набирать высоту.

На полу педаль-коромысло: левый край коромысла нажать — правый подымется, правый нажать — подымется левый. Ноги пилота ремешками пристёгнуты к коромыслу. А для чего оно?

Вот мы неподвижно повисли в воздухе. Пилот качнул коромысло влево, и вертолёт послушно повернулся налево; качнул вправо — вертолёт повернулся направо. Я догадался: коромысло управляет рулевым винтом, что на хвосте.

Внизу аэродром, с которого мы поднялись, — полный аэродром самолётов и вертолётов: одни на месте стоят, другие выползают из гаражей-ангаров, третьи как будто подпрыгивают, готовятся взлететь. Повисели мы над ними, поглядели и полетели вперёд.

Я сперва не знал, как это пилот делает, чтобы вертолёт не просто висел на одном месте, а летел, куда нужно. После вот что заметил: в руке у пилота длинная железная палка-рукоятка, и он её не выпускает — наклоняет то влево, то вправо, то вперёд. Куда рукоятку наклонит, туда и летим.

Я понял: эта рукоятка управляет главным винтом — самая главная рукоятка!

Мы пролетали над лугом. Там паслось стадо коров. Коровы даже не поглядели на нас: им некогда, надо траву жевать...

А вот птичий двор под нами — белые куры как большие белые снежинки. Одна курица вдруг захлопала крыльями и со всех ног побежала. Может, вертолёт её напугал? А может, тоже хотела лететь вместе с нами? Вдруг и другие куры за ней следом захлопали крыльями — сразу как будто снежная метель поднялась на земле...

По реке плывёт кораблик. Не игрушечный, а самый настоящий пароход — из трубы дым, от кормы волны расходятся. А отсюда, с вертолёта, кажется, будто он совсем маленький, как бумажный. Будто даже и не плывёт, а застрял посреди реки и не движется, словно муха в киселе. Это, наверное, потому, что мы пролетели над ним очень быстро, а он за это время почти ничего не успел проплыть...

Вот лес, вот поляна в лесу. Снизились, хотели присесть на поляну, а там стоял стожок сена. И вдруг травинки-соломинки на стожке поднялись дыбом, и он, будто выросли ноги, подскочил и зашагал от нас. Это ветер от винта погнал стожок. Пилот скорее поднял машину над лесом, пока стожок по соломинкам не разметало.

Тут началось самое интересное. Инструктор задёрнул окно в пилотской кабине чёрной материей, шторкой. Сквозь плотную шторку даже солнце не просвечивает. Будто во-

круг тёмная ночь, и мы летим в этой тьме. Разве можно лететь, когда ничего не видно?

Оказывается, можно. Пилот должен уметь летать даже ночью. Да так, чтобы не врезаться в дерево или в гору и прилететь точно туда, куда нужно.

Мотор поднатужился, и вертолёт поднялся ещё выше. Здесь уже никакие деревья не опасны. Откуда же пилот знает, на какой высоте мы летим? Откуда он знает, в какую сторону вести машину? Раньше пилот в окно глядел, а теперь — только на приборы. За одним круглым стёклышком я разглядел буквочки маленькие, как муравьи: «высота». Это высотомер. Стрелка была на 50, а после переползла на 200. Значит, от нас до земли 200 метров.

За другим стёклышком написано: «скорость». Этот прибор, указатель скорости, показывает, быстро ли мы летим. Есть здесь и компас, чтобы пилот мог всегда определить нужное направление. Много умных приборов помогает пилоту вести машину «вслепую». Вот и выходит, что он ведёт вертолёт совсем не вслепую, а по приборам.

Когда инструктор снова открыл шторку, мы подлетали к нашему аэродрому. Полёт закончен.

НАД ЛЕСОМ

Вертолёт летел над вершинами елей, торчавшими снизу вверх, точно острые зелёные пики, над курчавыми кедрами и пушистыми лиственницами, над высокими соснами — летел над бескрайней тайгой.

Это был дозорный вертолёт, он облетал лес дозором, стерег его от пожаров. У пилота была карта в большом прозрачном планшете, и на карте весь лес расчерчен на квадраты — каждый под своим номером. Заметит пилот с воздуха чёрный дым и огонь — тут же по радио передаст: в таком-то квадрате горит! А на земле поглядят на точно такую же карту и скорее пошлют туда воздушный десант — людей, которые обучены тушить лесные пожары.

Я сидел в кабине рядом с пилотом и видел, как он управлял вертолётom, а сам, не отрываясь, глядел в окно. Далеко видно сверху. Но нигде не было ни дымка. С неба светило солнце, а понижу не отставала от нас толстая вертолётная тень. Она тоже вертела винтом и то взбиралась на деревья, где лес был погуще, то проваливалась до самой земли, бежала по траве на полянках.

Когда пролетали над редколесьем, пилот заметил кого-то внизу и кивнул мне. Я поглядел: какое-то бурое пятнышко шевелится. А рядом — жёлтое пятнышко, но поменьше. Вдруг жёлтое с места сорвалось и побежало прочь. А бурое никуда не бежит. Да ведь это лосёнок с посихой! Лосёнок видит, что мать не боится, и тоже остановился.

— Храбрая! — прокричал я на ухо пилоту. — Не испугалась!

— А чего ей пугаться, — ответил пилот, — привыкла. Знает, что вертолёт — зверь не страшный.

После, когда приземлились, он рассказал мне историю.

— Может, слышали, — начал он, — у вертолётчиков из дальних лесных отрядов вошло в обычай держать у себя живую диковинку. В одном отряде белка по лётному полю гуляет, в другом — журавля приручили. А вот у нас... Возвращаются однажды наши десантники с пожара и выносят из вертолёта — кого бы вы думали? — живого лосёнка! Да, вот так на руках и выносят: то ли мал ещё совсем, ноги не держат, то ли укачало беднягу в полёте... Наткнулись на него случайно в кустах и спасли от огня. А куда мать-лосиха девалась, никто не видел.

Вокруг лётного поля деревья, лес. В лесу всякого зверья много, но никто на аэродром не выходит: боятся. А лосёнок прижился среди людей и в лес не идёт. Ему и тут неплохо: то бродит возле столовой, то подойдёт к ангару, где механики ремонтируют моторы, станет в дверях и смотрит. А в ангар не заходит: вдруг вся эта штука тоже в воздух подымется, как вертолёт!

Особенно подружился лосёнок с одним из пилотов. Фамилия пилота была Посев. «Он тебя по фамилии признал за папашу», — подшучивали мы над Посевым. Так и про-

звали его «папашей». Пилот на шутки не обижался, а для своего любимца всегда припасал гостинец в кармане — сахару кусочек или конфету в бумажке. Посёнок его вертолёт по звуку отличал от других машин: тот ещё где-то за дальним лесом, человеку не услышать, а посёнок чуткие уши наставит и бежит встречать.

Вертолётчики сперва опасались, как бы посёнок под винт не угодил. Но он оказался смышлёным: пока мотор не утихнет, винт не остановится, только издалека глядит. Пилот изнутри дверь откроет, а он уже тут — долго ли? — ноги длинные, как ходули! Голову в дверь просунет и губами выпрашивает прямо из рук...

Я попросил показать мне этого посёнка. Но его здесь, в отряде, уже не было: в конце прошлого лета «папашу» перевели в другой лётный отряд. Посёнок затосковал, ходил скучный, а после ушёл в лес. Говорят, что с недавних пор на опушку к лётному полю повадился выходить стройный молодой лось, издали приглядывается к машинам, подолгу стоит, будто ожидает кого-то. Может, это и есть тот, прежний, посёнок?..

